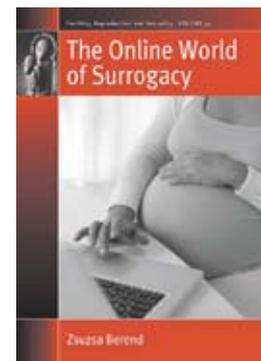


## НОВЫЕ КНИГИ

Н. В. Конрой

# Разумный альтруизм: можно ли примирить мораль и рынок?

Рецензия на книгу: Berend Z. 2016. *The Online World of Surrogacy*. NY, Oxford: Berghahn Books. 270 p.



**КОНРОЙ Наталья Викторовна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

**Email:** [nconroy@hse.ru](mailto:nconroy@hse.ru)

Книга Жужси Беренд — результат десятилетней этнографии речевого поведения необычной группы, которая называла себя «удивительные женщины SMO»<sup>1</sup> ([www.surromomsonline.com](http://www.surromomsonline.com)). Это не первое, но одно из самых продолжительных исследований как американского суррогатного материнства, так и социальной динамики онлайн-дискуссий, и поэтому, уверена, книга станет обязательной для чтения исследователями с очень разными интересами. Основные паттерны обсуждений, инициируемых участницами SMO, оказались связаны с такими близкими экономической антропологии и экономической социологии понятиями, как родительство и материнство, работа и отношения, контракт и деньги, товар и дар. Суррогатные матери и бездетные пары, вступавшие в диалог без посредников (точнее — через Интернет), пытались договориться о моральном содержании этих понятий в контексте рыночных отношений, объединивших их общей целью рождения ребёнка. Беренд, наблюдавшая онлайн за усилиями чужих друг другу людей по выработке экономических и нравственных оснований для взаимовыгодного проекта, пыталась в переговорных микрособытиях найти ответ на вопрос о том, можно ли примирить мораль и рынок. Хотя автор использовала некоторые теоретические концепты (в том числе принадлежащие полю экономической социологии), они были для неё, скорее, сенсублизирующими понятиями, помогающими интерпретировать полевой материал, не отрываясь сильно от мира SMO. Богатый эмпирический материал не был безжалостно пропущен сквозь мелкое сито одной или двух теорий, автор оставила читателю достаточно данных для собственных интерпретаций. В то же время, как представляется, найденный Беренд ответ раскрывается в понимании суррогатными матерями реального и (или) разумного альтруизма, с помощью которого они переосмысливают реципрокные отношения и балансируют отданное и полученное.

**Ключевые слова:** вспомогательная репродукция; суррогатное материнство; родство; отношенческая работа; моральные рынки; договор; деньги; дар; альтруизм.

В последнее десятилетие наблюдается расцвет качественных исследований новых репродуктивных практик (далее — НРП) — экстракорпорального оплодотворения (ЭКО — *in vitro fertilization*, IVF), сонограммы, амниоцен-

<sup>1</sup> Surrogate Mothers Online (SMO) — самый посещаемый в США модерлируемый интернет-ресурс, посвящённый суррогатному материнству.

теза, донорства спермы и яйцеклеток, преимплантационного генетического тестирования и генетического консультирования. Прошлый 2016 год оказался примечателен выходом сразу двух серьёзных этнографий, посвящённых суррогатному материнству (далее — СМ)<sup>2</sup>. Одна принадлежит Хэзер Джейкобсон [Jacobson 2016] из Техасского университета, другая — Жуже Беренд из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Моё внимание привлекла книга Ж. Беренд; поначалу не столько из интереса к СМ, сколько из любопытства к «месту» и технике проведённого ею исследования, о которых я расскажу чуть позже.

Беренд отмечает, что в ранних исследованиях СМ прослеживались тревожные мотивы грядущих опасностей (появление «репродуктивных притонов», коммодификация материнства, ужесточение патриархального контроля над женщинами). Критики были уверены, что жизненные обстоятельства подтолкнут к СМ финансово нуждающихся и уязвимых для эксплуатации более образованными и состоятельными парами женщин. В то же время перспективы самих суррогатных матерей<sup>3</sup> в этих исследованиях ещё не были представлены.

Обращаясь к своему исследованию, Беренд поясняет, что его предопределили вопросы, которыми задавались её американские коллеги, и считает, что в эмпирическом смысле продолжила этнографии, сделанные Хеленой Рагони и Элизабет Робертс. Рагони два года наблюдала и интервьюировала различных участников нового тогда рынка: директоров и сотрудников СМ-программ, суррогатных матерей и бездетные пары, желающие стать родителями (*intended parents*, IPs). Её интересовали не только функционирование программ, но и чувства, мотивация, ожидания информантов, их культурная работа по переосмыслению понятий родства. В результате она пришла к выводу, что основой современного американского родительства является намерение (*intent*). В то же время это переосмысление родства не было революционным, напротив, оно подчёркивало те элементы, которые были близки присущему среднему классу пониманию семейных отношений как основанных на любви, воспитании и обязательстве. Робертс, которая проводила исследование в одном из калифорнийских агентств, выяснила, что суррогатные матери гордятся своей фертильностью и расценивают её как актив и источник власти, нивелирующий социально-экономические различия между ними и бездетными парами. Робертс ввела понятие «нарративная власть», которое оказалось полезным Беренд в её анализе.

Беренд отмечает, что со времени первых этнографий изменились не только технологии и практики, но и организационное поле НРП. Появилось множество новых агентств, юристов, клиник и независимых репродуктивных брокеров, выросла конкуренция. Интернет превратился в форум, поставляющий информацию о повседневных аспектах СМ. В то же время были проведены качественные исследования СМ в других странах (Индия, Израиль), которые показали инсайдерский взгляд суррогатных матерей на их практики и сделали возможными межкультурные сравнения моделей СМ<sup>4</sup>. Эти работы открыли

<sup>2</sup> Первые этнографии СМ появились уже в 1990-х гг. (см.: [Ragoné 1994; Roberts 1998]), с возникновением самих технологий, и продолжали выходить по мере развития этого поля (см., например: [Teman 2010; Pande 2014]).

<sup>3</sup> Важно отметить, что Беренд и её информантки не используют понятие «суррогатная мать» (*surrogate mother*). Это связано с тем, что практикующие СМ женщины проводят чёткую границу между суррогатным вынашиванием ребёнка и материнством, поскольку материнство возникает не вследствие вынашивания или генетического родства, а как результат желания (намерения) быть матерью ребёнка. На СМО для обозначения практикующей СМ женщины используются либо термин *surrogate* (суррогатная), либо более короткое самоназвание участниц — *сурро* (*surro*). Придерживаясь норм русского языка, я буду использовать либо самоназвание женщин, либо термин «суррогатная мать» в значении «вынашивающая ребёнка женщина, не являющаяся его матерью».

<sup>4</sup> Расширение поля СМ, которое заметили, безусловно, не только исследователи, но и СМИ, показательно повлияло на динамику медийной оценки СМ в США. При том, что, как отмечает Беренд, на протяжении десятилетия медиа удостоивали СМ негативными комментариями, рост индийского СМ резко поднял статус американских суррогатных матерей в американских СМИ. Теперь американки стали рассматриваться прессой как альтруистки, а индианки — изображаться как бедные и нуждающиеся женщины, беспринципно торгующие телом.

сложную картину отношений, интересов, эмоций участниц, оспаривающих крайности внешних представлений о СМ (коммодификация vs альтруизм).

## Виртуальная этнография мира суррогатных

Путь Беренд в это поле очаровывает своей типичной для хороших этнографий «случайностью». Её предыдущие работы были посвящены незамужним женщинам XIX века и их пониманию любви, обязанностей, работы, денег и семьи. Переехав в Лос-Анджелес, она начала преподавать курс социологии семьи, в котором использовала фрагмент из этнографии Рагони. Когда одна из студенток решила делать исследование СМ на [www.surromomsonline.com](http://www.surromomsonline.com) (далее — SMO), Беренд тоже зарегистрировалась на сайте, чтобы помочь своей подопечной. Чтение постов и дискуссий напомнило ей опыт архивной работы. Часть того, что она узнала, подтверждало наблюдения Рагони, однако на SMO не было посредников: женщины представляли саморегулируемую группу, брали на себя функции продвижения СМ и социального контроля. По словам Беренд, её заинтересовали эти совместные усилия по определению и балансированию эгоизма и альтруизма, получения и отдачи.

В период исследования Беренд поиск вариантов «без посредников» (*going indy*) набирал популярность с обеих сторон<sup>5</sup>. Постепенно SMO стал главной площадкой, где женщины размещали рекламные объявления и переписывались с множеством потенциальных родителей. Одна из ключевых информанток Беренд сравнивала эту переписку с обменом сообщениями на сайтах знакомств (с той разницей, что предметом обсуждения были не свидания, а дети). Язык любви заимствовали не только суррогатные матери, но и некоторые потенциальные родители (точнее — матери). Однако суррогатные матери шли намного дальше: они искали «идеального совпадения», пару своей мечты, с которой будут выстраивать романтические отношения. Они были очень чувствительны как к знакам, которые в ходе знакомства подавали потенциальные родители, так и к собственным ощущениям («щёлкнуло» ли, проскочила ли искра?).

По мере погружения в жизнь SMO Беренд поняла, что онлайн-форум представлял собой место встречи женщин, разделяющих мечту помочь бесплодным и бездетным парам стать родителями<sup>6</sup>. Ветки форума обучали женщин, чего им ожидать и хотеть, о чём мечтать. Женщины повторяли, что хотят видеть счастливые лица и слёзы на глазах своей пары, держащей ребёнка. Этот наиболее сильный образ СМ был сформирован женщинами коллективно, а само СМ определено как последовательность целенаправленных действий, ведущих к запечатлённой в этом образе мечте.

По словам форумчанок, помощь людям в создании семьи затягивает. Как шутит Беренд, она сама, подобно её героиням, оказалась втянута в жизнь SMO и однажды поймала себя на том, что заходит на сайт, чтобы узнать, что делают её сурро. Те делились своими впечатлениями от общения с потенциальными родителями, условиями контрактов, течением беременности, историями родов; шли на финансовые и прочие компромиссы ради своей пары, публиковали фотографии своих сурродетей, а также подарков и цветов, полученных от родителей. В то же время на сайте было много постов о выкидышах, о чувстве одиночества и вины, историй предательства и разочарования в романтических отношениях со своей парой, рассказов о потере денег или работы.

<sup>5</sup> Сайт был основан в 1997 г.; в 2002 г. на нём были зарегистрированы 800 пользователей; в 2007-м — 30 тыс. пользователей. Активными участниками дискуссий, как правило, были суррогатные и потенциальные матери. Потенциальные отцы редко принимали участие в обсуждениях, практически всегда это были геи.

<sup>6</sup> Героини Беренд определяют бесплодие предельно широко (неспособность иметь детей, достижение нефертильного возраста, невозможность иметь так много детей, как хочется, гомосексуальный брак), и это формирует их эмпатию и намерение помочь.

SMO для суррогатных матерей был одновременно инструментом обучения, механизмом поддержки и признания, средством нормализации СМ и связанных с ним эмоций. На протяжении всей книги Беренд показывает, как в коммуникациях на SMO женщины балансировали два коллективных определения СМ — как особенных отношений уникальных людей и как практики, выходящей за границы конкретных соглашений индивидов. Они обсуждали свою любовь и совершенно специфические отношения со своей парой, но также и универсальные обязанности, действия и эмоциональные реакции, возникающие в отношениях СМ. В процессе таких обсуждений женщины формировали эмоциональное, отношенческое, медицинское и правовое знание, коллективно вырабатывали этос СМ, разрешали вопросы о чувствах и поведении в различных ситуациях и определяли, что значит «быть хорошей сурро». Беренд подчёркивает, что женщины делали это неспециально, но это не было и побочным продуктом общения, связанного с поддержкой и советами.

Беренд видит в SMO семиотическое сообщество [Sewell 1999] и «структуру возможностей» для конструирования и согласования смыслов вспомогательных репродуктивных технологий (*assisted reproduction*). Однако смыслы, как утверждал Г. А. Файн (см., например: [Fine 2010]), никогда не согласовываются «с нуля», поэтому Беренд последовательно вписывает дискуссии суррогатных матерей в фреймы и представления, формируемые агентствами, врачами, юристами, а также в более широкие культурные понимания жизни, семьи, родства, близости и репродукции, разделяемые представителями американского среднего класса.

Исследовательница сфокусировалась на коммуникации<sup>7</sup>, ушла от уникальных историй<sup>8</sup> и вывела на первый план творческий процесс определения СМ и самоопределения сурро<sup>9</sup>, свидетелем которого она была в течение — ни много ни мало! — 10 лет. Наряду со смысловыми паттернами дискуссий Беренд выделяла их тональности. Она наблюдала лингвистическое поведение участников пассивно, не вмешиваясь в дискуссии и не задавая повестку дня. В отличие от многих коллег, делающих экспресс-этнографии онлайн-миров, Беренд не спрашивала женщин, как они используют сайт и что думают о своём пребывании на нем. Она постепенно «выуживала» ответы из живых постов и дискуссий, наблюдала за тем, какие вопросы настойчиво повторялись участницами, к каким темам они многократно возвращались, какие сообщения больше просматривали.

За 10 лет она всего дважды обратилась к сурро: около 35 человек откликнулись по электронной почте, с одной женщиной Беренд встретила лично. В интервью и письмах она проясняла только то, что требовало уточнения. Все, кроме пяти женщин, с которыми она контактировала, имели постоянную работу (в основном секретарскую или в службах поддержки) и относили себя к среднему классу. Четверо были разведёнными матерями, остальные — замужними матерями двоих и более детей. Многие из участниц дискуссий на SMO обладали впечатляющим запасом юридических и медицинских знаний, гордились своей информированностью и способностью сознательно принимать риски.

Периодически участницы SMO инициировали собственные опросы, что позволило Беренд дополнить социально-демографический портрет сурро. Почти все были белыми женщинами в возрасте 25–39 лет, христианками, либерально настроенными к геем. Их общей самохарактеристикой являлась «духовность» (*spiritual*). Относительно немногие не делали прививки своим детям, некоторые подходили к вакцинации избирательно. В ответах о среднем доходе своей семьи без учёта денег за СМ женщины указывали «более 40 тыс. дол.», а ответах на вопросы об образовании — уровень выше среднего. Де-

<sup>7</sup> Её работа написана в перспективах Чикагской школы, И. Гоффмана и символического интеракционизма.

<sup>8</sup> Несомненное влияние Гэри Алана Файна.

<sup>9</sup> Беренд анализирует этот процесс в гирцевском понимании создания культуры как паутины разделяемых и уточняемых смыслов.

сятилетний лингвистический анализ также позволил Беренд утверждать, что большинство участниц дискуссий принадлежало к низшему среднему и среднему классам (а не к нуждающимся, как считали некоторые критики СМ).

### Обоснованная теория онлайн-мира суррогатных

Для анализа «этнонарративов» женщин Беренд использовала техники обоснованной теории. Так, например, приоткрывая свою аналитическую кухню, она поясняет, что её первоначальная категория «разочарование в IPs» оказалась слишком широкой: при том, что в большинстве случаев сурро получали поддержку товаров в ответ на жалобы, в некоторых ситуациях ответы носили характер резкой отповеди. Категория распалась на две: «Разочарование в IPs, не сдержавших обещания или нарушивших соглашения» и «Разочарование в IPs, не оправдавших надежд сурро на поддержку и сочувствие». Первый случай всегда вызывал сочувственное понимание, второй — критику, поскольку согласно этике поля «хорошая» сурро должна быть достаточно сильной, информированной, независимой и любящей, чтобы справляться с неидеальными ситуациями.

Найти смыслы в огромных массивах данных Беренд также помогали техники написания мемо. Например, благодаря мемо она выделила две категории жалоб на СМО: «выплёскивание», «выпускание пара» (*venting* или *vents*) — жалобы тех, кто одновременно утверждает ценности суррогатного материнства, и «нытьё» (*whining*) — жалобы в чистом виде, которые вызывали у женщин смешанную реакцию. «Выпускание пара» обычно получало поддержку («*It's OK to vent, honey!*»), то есть «Выпустить пар — это нормально, милая!»), поскольку отвечало идеалу сурро и демонстрировало решимость продолжать, силу и щедрость.

Жужа Беренд увидела американское СМ как моральный проект суррогатной матери и её пары, который обсуждается через ценностные понятия хорошо или плохо, соответствует или не соответствует и может интерпретироваться в категориях моральных рынков (*moralized markets*) М. Фуркад и К. Хили.

Свой эмпирический вопрос Беренд сформулировала широко: *как дар и рыночный обмен связаны с моральными ценностями?* Ответ на него она даёт в основной части книги. Я кратко суммирую моё видение этого ответа, но сначала обозначу важные для понимания американского СМ представления о родстве, выделенные Ж. Беренд на СМО.

### Родство в понимании американских сурро

Базовой посылкой участниц СМО являлось то, что ни генетическое родство (*relatedness*), ни беременность (*gestation*) не создают материнства. Суррогатный ребёнок всегда принадлежит родителям, и ничто не может это изменить. Акцентируя свою важную, но не главную роль в процессе создания ребёнка, сурро говорят о себе: «Я — печь», «Я — инкубатор», «Я — няня» (*babysitter*). В основе СМ лежат желания родителей иметь ребёнка и суррогатной матери — помочь им. Беренд подчёркивает, что в США родство реконцептуализируется как намерение, желание и любовь; в таком же направлении на протяжении 10 лет её наблюдений переосмысливалось СМ. Жажда быть родителями является «естественным» и порождает основание родства (*kinship*) и родительства (*parenthood*).

В соответствии с таким пониманием, женщины на СМО выстраивали отношения и связи с родителями, а не с ребёнком («IPs, а не ребёнок, должны быть твоими, а ты — их!»). Они надеялись, что их дружба и связь с парой сохранятся после рождения ребёнка («Конечно, я интересуюсь ребёнком, но ими я интересуюсь больше!»). Сурро апеллировали не к материнским чувствам, а к обязательствам, к

своему намерению (*intent*) помочь бездетной паре и к намерению пары стать родителями («СМ вращается вокруг намерения»). Генетическое родство традиционной суррогатной матери с ребёнком на СМО переопределялось в фиктивное родство двух женщин — сурро и матери, которые позиционировались как сёстры. Ребёнок являлся связующим звеном в этом выбранном сестринстве. В логике сурро, в процесс создания ребёнка вовлечены две семьи; дети для них — продукт брака, поэтому они не считают суррогатных детей сиблингами своих собственных даже в тех случаях, когда являются донорами биологического материала<sup>10</sup>.

В главах «Путешествие» («Journey»), «Договор» («Contract»), «Деньги» («Money») и «Дар» («Gift») Беренд показывает, как через противопоставление денежных ценностей и священности жизни женщины дискурсивно создавали и поддерживали моральную ценность и цели СМ.

### **Романтическое путешествие «всё включено» — за ребёнком**

Главное понятие, вокруг которого суррогатные на СМО выстраивали и осмыслили свой опыт, — это «путешествие» (*journey*), которое начинается решением женщины стать сурро<sup>11</sup> и поиском «своей» пары, а заканчивается рождением суррогатного ребёнка и передачей его родителям. В идеальных представлениях сурро такое путешествие — многократно повторяющийся опыт<sup>12</sup>. Нарративы о путешествиях и их отдельных этапах — важный жанр СМО. Путешествие переживается эмоционально как разделённая (опять же в идеале) или неразделённая любовь, но в общении с партнёрами женщинам приходится балансировать эмоции и ожидаемую от них рациональность (предсказуемость, ответственность, соблюдение договорных обязательств). Как отмечает Беренд, дилемма путешествия сурро заключается в том, что проявляя рациональность, она рискует навлечь на себя обвинения в калькулятивности и коммодификации, а проявляя эмоциональность — вызвать сомнения в своей адекватности и надёжности.

Несмотря на то что СМ осмыслилось через уникальный опыт каждого путешествия, юридически женщины стремились к стандартизации. Они сравнивали договоры, повышали правовую грамотность, нанимали юристов. Договор рассматривался ими как первый важный рубеж путешествия. Хотя в дискуссиях сурро говорили о контрактах как неудобной для себя теме, неинформированность и пренебрежение правовой стороной отношений на СМО всегда осуждались.

Стандартные суррогатные контракты чрезвычайно детализированы и состоят из 30–60 страниц текста, оговаривающего множество условий и ответственностей, в том числе за пределами денежных обязательств. Утверждается количество попыток достижения беременности и трансплантируемых эмбрионов, предусмотрен раздел ограничений, накладываемых на жизненный стиль суррогатной матери на период беременности (путешествия, напитки, еда, секс, медицинские препараты, иногда даже окрашивание волос) и др.

<sup>10</sup> Таким образом, как справедливо отмечает Беренд, детальное изучение отношений сиблингов может многое прояснить в понимании того, как производится современное американское родство.

<sup>11</sup> Вполне предсказуемо, женщины осмысливают свой выбор «дарить жизнь» и свою карьеру сурро в категориях судьбы (*meant to be*) и призвания (*calling*).

<sup>12</sup> На практике далеко не каждой удаётся пройти полностью даже одно путешествие, не в последнюю очередь из-за технической сложности достижения беременности и вынашивания суррогатного ребёнка. За опыт попыток статус ветерана на СМО может получить и та, кто не закончила путешествие, хотя об ограниченности её опыта ей всё же будут напоминать. Некоторые сурро проходят через три полных цикла, иногда — многоплодных беременностей. Готовность продолжать столько, сколько позволит здоровье, и двигаться к цели и главной награде своего путешествия (рождению ребёнка и созданию полной семьи для своей пары) — одна из главных нравственных установок участниц.

Стандартной договорной схеме «всё включено», предусматривающей выплату компенсации 25–40 тыс. дол., сурро предпочитали схему основных и дополнительных расходов, которая определяет базу в 15–25 тыс. дол. В то же время женщины считали неудобным оговаривать длинный перечень возможных дополнительных расходов, поскольку в их глазах это коммерциализировало отношения и путешествие. Они сознательно шли на финансовые потери, приписывая контрактам первого типа качества опасной и дорогой азартной игры, гэмблинга. Некоторые пытались найти компромиссный вариант и заключали договор по схеме «все включено», прилагая к нему лист дополнительных расходов, которые могут быть вычтены из суммы договора в случае, если события не произойдут.

Как правило, контракты устанавливают периодичность и размеры платежей. Сурро предпочитали 8–10 равных выплат, чтобы гарантированно получить компенсацию за пройденную часть путешествия в случае выкидыша. Женщины с подозрением относились к предложениям единовременной оплаты по факту, в том числе и потому, что в их глазах это превращало процесс в «продажу» родившегося ребёнка, а они настаивали на том, что оплата является компенсацией их времени, боли и страданий.

Суррогатные матери признавали, что не любят стадию подготовки договора за её рыночный, рациональный характер; они беспокоились о том, что могут выглядеть жадными, и иногда предпочитали согласиться на невыгодные и несправедливые для себя условия, чтобы не огорчать свою пару. В конфликте сердца и денег они часто выбирали сторону сердца, им требовалось серьёзное обоснование того, что забота о себе не является бездушной.

Беренд полагает, что женщины в этом поле чаще ориентированы на минимизацию потерь, чем на максимизацию прибыли, поскольку в СМ сложно просчитать возможные потери и осложнения: каждая суррогатная беременность сильно отличается как от естественной, так и от другой суррогатной беременности, и не позволяет женщинам ориентироваться в оценках на свой предыдущий опыт. Сурро постоянно предупреждали и предостерегали друг друга от поспешных решений, что, по мнению Беренд, свидетельствует о том, что многие были готовы кинуться осуществлять чужую мечту до того, как просчитали риски других сторон, вовлечённых в процесс (например, собственных детей). Автор ссылается на Джиллиан Хадфилд, которая поставила под сомнение универсальность конвенционального понимания контракта, утверждая, что наши выборы должны оцениваться не только количественно, но и качественно, поскольку выражают и конструируют нашу сущность [Hadfield 1998]. Участницы СМО говорили о том, что их решение помочь связано с глубоким сочувствием по отношению к тем, кто бесплоден (и, значит, не имеет полноценной семьи). Подобное сочувствие не уникально: *особенными* в своих глазах сурро делало то, что сочувствие заставляет их *действовать*.

Женщины считали, что в СМ переплетены бизнес и личные отношения, и отношенческие аспекты контракта для них чрезвычайно важны: обсуждение условий поднимает на поверхность худшее в людях и имеет для сурро прогностическую ценность. Женщины часто аргументировали свой подход тем, что никто не вступает в брак, думая о разводе, но разводы случаются (сравнение СМ с браком типично для СМО). Переговоры — это тест отношений, характеров, проверка совместимости. Женщины подавали паре сигналы о своём сочувствии и готовности отдавать, ожидая ответной реципрокности, то есть уважения и учёта интересов её семьи.

### *Родительство в подарок*

Одна из постоянно обсуждавшихся тем — как не быть слишком отдающей, то есть не отдавать больше, чем собиралась и чем прописано в договоре. Женщины часто оказывались без компенсации в случае выкидыша, так как не оговаривали эту ситуацию в договоре, или вводили в расходы собственную семью, потому что постеснялись упомянуть в контракте возможность потери трудоспособности.

Участницы призывали друг друга не снижать компенсационные выплаты «ради любви» к своей паре и помнить о своих близких и балансе интересов. Современные суррогатные матери активно вносят изменения в контракты и нанимают юристов, на форуме поддерживают тех, кто «тщательно делает свою домашнюю работу» и учится на ошибках; осуждают тех, кто спешит заключить типовой договор.

Со временем женщины также стали уделять больше внимания нефинансовым положениям договоров, касающимся многоплодной беременности, удаления части эмбрионов и искусственного прерывания беременности. По идеальным представлениям сурро они вынашивают детей для достойной пары, которая отчаянно желает ребёнка, поэтому когда в реальности оказывается иначе, им трудно это принять. Типовой договор никак не помогает решению подобных проблем и вынуждает суррогатных занять какую-то нравственную позицию. Беренд видит тенденцию отхода от простого морального выбора «это не мой ребёнок и не моё решение». Годы обсуждения историй о разбитых сердцах и раскаянии способствовали выработке участницами разделяемого чувства ответственности за созданную жизнь, в котором сочетаются признание как безусловного родительства пары, так и нравственной или пролайфистской позиции суррогатной матери. Это чувство, как правило, и противоречит положениям типового контракта, и разрушает во всех других ситуациях тщательно выстроенную дистанцию между сурро и ребёнком, которого она вынашивает.

Беренд пишет, что, вопреки существующим теориям контракта, её данные свидетельствуют: суррогатные матери и будущие родители не всегда видят договор одинаково и стремятся к достижению одних целей; более того, они не осознают этого в ходе переговоров. Обе стороны сфокусированы на создании ребёнка. Для родителей ребёнок — цель и благо. Цель суррогатных матерей сложнее. Они ожидают от своей пары эмоционального удовлетворения и аффективной оплаты, а также справедливой денежной компенсации. Женщины больше инвестируют в осуществление чужой мечты, чем в защиту своих интересов, многие важные для них вещи находятся за пределами контрактного регулирования. Родители же не всегда считают, что они должны аффективную оплату своим суррогатным матерям.

По мнению Беренд, основное противоречие СМ заключается в том, что оно регулируется договором, а понимается как дар. В отличие от Рагони, которая пришла к выводу, что как дар сурро определяют детей, вынашиваемых для бездетной пары, Беренд утверждает, что сурро дарят *родительство*. Этот дар предполагает реципрокность и ответную благодарность родителей, что означает для сурро поддержание отношений с ней и её семьёй после получения ребёнка. Реципрокность означает выход за рамки формального договора, и в логике дара родители суррогатного ребёнка не могут выбрать «не быть обязанными», но могут быть неблагодарными. Вступая в формальный договор с парой, сурро надеются на реципрокные отношения длиною в жизнь, то есть на равенство и дружбу, а также рассчитывают на признание неперекрываемой деньгами жертвы, которую принесли они и их семьи ради появления новой жизни.

Дискуссии на SMO показывали, что женщины были удовлетворены, когда их ценили и выражали им признательность, и разочарованы, когда родители разрывали связи и отрицали их жертву. Эмоциональные дивиденды в последнем случае женщины получали на SMO, где обменивали неуважение потенциальных родителей на признание товаров. Такая конвертация позволяла женщинам представлять себя и свой случай в сбалансированной манере и поддерживать коллективно одобряемый имидж умной, сильной и альтруистичной женщины, стоящей выше мира рынка.

### *Разумный альтруизм*

СМ часто путают с отношениями коммодификации тела и с материнством, поэтому участницы форума прилагали значительные усилия, чтобы провести границы и установить различия, в том числе — черз

дифференциацию денежного возмещения. Они выделяли три вида платежей: (1) возмещение стандартных расходов; (2) оплата непредвиденных расходов, вызванных нештатными ситуациями; (3) компенсация за боль и страдания. При этом ни один из видов возмещения не понимался как цена ребёнка или услуги по его вынашиванию. Женщины противопоставляли цену и бесценность (проституция имеет цену, ребёнок — нет; проституткой может быть любая, сурро — только та, кто заботится о других и является хорошим человеком).

Тем не менее деньги в поле ВРТ (вспомогательные репродуктивные технологии) во многих неопределённых ситуациях, несомненно, выступали критерием для оценки таких ситуаций. Так, например, по количеству средств, затраченных бездетной парой на попытки стать родителями до встречи со своей будущей суррогатной матерью, на СМО определяли, насколько пара «достойна» ребёнка. Беренд говорит: ирония заключается в том, что чем больше и лучше сурро были информированы о процессе и его рисках, тем чаще денежные интересы отходили для них на второй план, так как женщины понимали, что никакие компенсации несравнимы с рисками, которые они на себя принимают. Начав путешествие и пройдя через выкидыши, неудачные трансферы фетусов и проч., женщины хотели для себя и своей пары «счастливого конца» больше, чем денежной компенсации.

Беренд конституирует, что современные сурро коллективно примиряют деньги с альтруизмом, а не просто оправдываются перед критиками, как это было в начале 2000-х гг. По наблюдениям Беренд, сурро часто отмечали, что мы живём во времена, когда люди перестали понимать альтруизм, и сами видели его в том, что они готовы помочь кому-то чужому и получить компенсацию, а другие люди — нет. Критики СМ действительно не разделяют подобный взгляд на альтруизм. Феминистские исследователи считают желание женщин помочь бездетным проявлением «ложного сознания», юристы видят в суррогатных матерях рациональных акторов, преследующих денежные интересы под прикрытием социально одобряемой риторики альтруизма и гендера. Сурро же активно переопределяют сам альтруизм, утверждая важность в нем реципрокности. Для них альтруизм предполагает ситуацию обоюдного выигрыша, в которой бездетная пара получает ребёнка, а сурро — компенсацию, тепло дружеских отношений и признание принесённой ею жертвы. Женщины различают свой «реальный», «разумный» альтруизм и «альтруистическую чепуху» (имеются в виду разговоры людей без опыта СМ о том, что настоящие альтруистки не должны просить компенсацию).

Некоторые участницы сравнивали СМ с искусством и хобби, противопоставляя его работе по найму. Первые нельзя полностью измерить деньгами, они предполагают безусловную вовлеченность и множество неуловимой (*intangible*) работы, неисчислимой рыночными способами. Женщины часто объясняли эту разницу, рассуждая о том, как много получали бы, применив к СМ логику почасовой оплаты, с которой они имеют дело в офисе. Сурро утверждали, что именно в силу того, что по рыночным меркам им не доплачивают за их усилия, вынашивание чужого ребёнка не является рыночной транзакцией. Риторика почасовой оплаты помогала суррогатным матерям подрывать и заменять логику рынка логикой дара: «<...> С моей компенсацией <...> я получаю 1,27 дол. в час <...> Отдаю себя на 100%, 24 часа в день, 7 дней в неделю на протяжении года, чтобы дать моим прекрасным IPs семью. Как не называть это даром???» (p. 161).

Сурро выработали определение компенсации: это то, что помогает женщине сохранять нормальное течение дел в своей семье, пока она помогает другой семье. Они терпеливо втолковывали такое определение потенциальным родителям и другим читателям форума, напоминая им, что сурро — не одинокие женщины, но жены и матери.

Компенсация — это один из терминов, в определении которого сурро достигли согласия, и они считали его приемлемым для обсуждения в рамках отношенческого пакета (*relational package*) своего

поля. С годами женщины выработали общее понимание связанного термина «разумная компенсация» (reasonable compensation). Они настаивали на индивидуальном подходе к каждому случаю в определении разумности компенсации, что соответствует их представлением об уникальности каждого личных отношений, участников и путешествия. В то же время существовало согласованное понимание размеров средней компенсации, которое помогало женщинам балансировать в переговорах между «неэгоистичностью» и «низкой самооценкой». Однако ценность в мире СМ не определяется только деньгами. Признание, эмоции пары являются ценностью для суррогатных матерей и определяют отношения СМ как интимные. Как писал Джеральд Клори, эмоции, как деньги, являются маркером ценности [Clore 2005]. Определение СМ, таким образом, тоже производит моральные ценности, так как подтверждает большую важность сочувствия, сострадания, уважения, заботы и любви по сравнению с рыночной калькуляцией. Для сурро СМ — это нравственная история про женщин, помогающих другим женщинам, и про семьи, помогающие другим семьям.

Беренд подчёркивает, что суррогатные матери давали себе и друг другу обет не только выращивать жизнь, но и залечивать раны бесплодия в душах своей пары. Их понимание собственной миссии резко контрастировало со стигмой компенсируемого СМ, поэтому им приходилось дискурсивно примирять культурные оппозиции жизни и оплаты. Вместо профанации жизни деньгами сурро настойчиво подчёркивали сакральность мечты бездетной пары о ребёнке. Беренд утверждает, что, вопреки страхам критиков, в поле СМ произошла не коммодификация беременности и детей, а ритуализация «наивысшего дара» суррогатных матерей и повышение сакрализации жизни. И это, по мнению Беренд, превратило СМ во фронтир, который предлагает нам новое понимание отношенческой природы человеческих практик [Vandelj 2012; Zelizer 2012].

Работа Беренд демонстрирует, что компенсируемое СМ — это и моральное, и рыночное предприятие. Участники (чаще всего — посторонние друг другу люди) по собственной воле вступают в договорные отношения; однако вынашиваемые дети и роды — это не товары, а уникальные, неотчуждаемые и незаменимые личности и события, которые, как верят сурро и некоторые родители, создают пожизненные связи между дарительницей и получателями. Одни видят эти связи как тревожащие, другие их с готовностью принимают. В отсутствие социальных прецедентов таких отношений стороны в каждом конкретном случае вырабатывают нравственные правила вовлеченности в договорную близость.

Беренд считает, что имплицитно подняла вопрос, заданный когда-то Маргарет Радин: зависит ли правильность и (или) неправильность любых трансакций, в которых деньги и родительские права передаются из рук в руки, от того, как мы о них думаем? (см., например: [Radin 1995]). Беренд говорит, что отвечает на него на своих данных не потому, что ей хочется ответить на нормативный вопрос о правильном и неправильном, а потому, что способы, которыми сурро коллективно осмысливают эти ситуации, дают им ответы о нравственной правильности суррогатного материнства. Беренд с помощью этнографического микроподхода показывает, как в своей культурной и организационной работе на SMO женщины в течение длительного времени дискурсивно примиряли деньги и дар, контракт и любовь, оформляя, согласовывая и наделяя эти сложные переплетения практическими и нравственными значениями.

Единственный для меня недостаток этой замечательной книги обусловлен спецификой выбранного Беренд метода анализа. Последовательно реализуя подход обоснованной теории и осторожно привлекая внешние концепты и теории, автор, на мой взгляд, не развила те направления анализа полевого материала, которые, скорее всего, показались бы особенно перспективными антропологу. Например, она не рассматривала речевое поведение на SMO как ритуальное. Формально сославшись на универсальность метафоры СМ как путешествия, отметив его трансформационную функцию, базовую трёхчастность (договор — беременность — роды) и особую важность выхода («закрытия двери»), Беренд

так и не сделала ожидаемый антропологом шаг к анализу путешествия как ритуала, к интерпретации многоаспектного балансирования суррогатных матерей, одновременно являющихся и пассивными беременными объектами ритуала, и его экспертами-распорядителями. Недоиспользованными в анализе оказались и возможности других антропологических теорий (сакрального, дара, долга, обмена и проч.), не получила заслуженного развития вскользь затронутая автором тема онлайн-поста как драмы и др. В то же время во многом само появление ощущения неполноты анализа становится возможным из-за того, как Беренд впускает читателя в дискурсивный мир SMO. Она приводит множество больших и ярких цитат из постов, дискуссий и своей переписки с участницами, тщательно вписывая их в контексты, не только давая восхитительное ощущение погружения и вовлеченности, но и оставляя возможности для альтернативных читательских интерпретаций происходящего. Я рекомендовала бы читателю книгу Жужи Беренд по многим причинам, однако этот потенциал многократной пересборки материала кажется мне наиболее привлекательной её особенностью.

## Литература

- Bandelj N. 2012. Relational Work and Economic Sociology. *Politics and Society*. 40 (2): 175–201.
- Clore G. L. 2005. For Love or Money: Some Emotional Foundations of Rationality. *Chicago-Kent Law Review*. 80 (3): 1151–1165.
- Hadfield G. 1998. An Expressive Theory of Contract: From Feminist Dilemmas to a Reconceptualization of Rational Choice in Contract Law. *University of Pennsylvania Law Review*. 146 (5): 1235–1285.
- Healy K. 2006. *Last Best Gifts: Altruism and the Market for Blood and Organs*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jacobson H. 2016. *Labor of Love: Gestational Surrogacy and the Work of Making Babies*. New Brunswick: Rutgers University Press.
- Pande A. 2014. *Wombs in Labor: Transnational Commercial Surrogacy in India*. New York: Columbia University Press.
- Roberts E. F. S. 1998. Examining Surrogacy Discourses: Between Feminine Power and Exploitation. In: Scheper-Hughes N., Sargent C. F. (eds). *Small Wars: The Cultural Politics of Childhood*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press; 93–110.
- Ragoné H. 1994. *Surrogate Motherhood: Conception In The Heart*. New York: Westview Press.
- Sewell W. H. 1999. Concept(s) of Culture. In: Bonnell V. E., and L. Hunt (eds). *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. Berkeley: University of California Press; 35–61.
- Temam E. 2010. *Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self*. Berkeley: University of California Press.
- Zelizer V. 2012. How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does it Mean? *Politics and Society*. 40 (2): 145–174.

## NEW BOOKS

Natalia Conroy

# Rational Altruism: Is it Possible to Reconcile Morality with Markets?

Book Review: Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*, NY, Oxford: Berghahn Books. 270 p.

**CONROY, Natalia** — Candidate of Sciences in History, Researcher, Laboratory for Studies in Economic sociology (LSES), National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

**Email:** [nconroy@hse.ru](mailto:nconroy@hse.ru)

### Abstract

The book by Zsuzsa Berend is based on a decade-long ethnography of writing behavior of a “self-selected group of amazing women”, [www.surromomsonline.com](http://www.surromomsonline.com) users (the SMO’ers). This is not the first, but probably the longest study of American surrogacy and the social dynamics of online discussions, so I’m sure it will become a “must read” for researchers of different fields. The patterns of the discussions initiated by the SMO’ers were connected to parenting and motherhood, work and relationships, contract and money, goods and gifts, which were always the concepts of interest for both economic anthropology and economic sociology. Surrogate mothers

and childless couples, who entered into their dialogue without mediators (or, to be precise, via the Internet), were trying to negotiate moral meanings of these concepts in the context of market rationality and to develop a win/win project aiming to bring a new life into the world. Berend who was analyzing their rhetorical efforts by using grounded theory package tried to answer a wider question “is it possible to reconcile morality with markets?” Although she brought some theoretical concepts (in particular, from the field of economic sociology) in her analysis, she also stayed very close to her informants’ explanations of their reality. As a result and in my opinion, Berend found her answer to this question in the “native concept” of “real altruism” redefining the meaning of reciprocity and the balance of “given” and “received”.

**Keywords:** assisted reproduction; surrogacy; relatedness; relational work; moralized markets; contract; money; gift; altruism.

### References

- Bandelj N. (2012) Relational Work and Economic Sociology. *Politics and Society*, vol. 40, no 2, pp. 175–201.
- Clore G. L. (2005) For Love or Money: Some Emotional Foundations of Rationality. *Chicago-Kent Law Review*, vol. 80, no 3, pp. 1151–1165.
- Hadfield G. (1998) An Expressive Theory of Contract: From Feminist Dilemmas to a Reconceptualization of Rational Choice in Contract Law. *University of Pennsylvania Law Review*, vol. 146, no 5, pp. 1235–1285.
- Healy K. (2006) *Last Best Gifts: Altruism and the Market for Blood and Organs*, Chicago: University of Chicago Press.

- Jacobson H. (2016) *Labor of Love: Gestational Surrogacy and the Work of Making Babies*, New Brunswick: Rutgers University Press.
- Pande A. (2014) *Wombs in Labor: Transnational Commercial Surrogacy in India*, New York: Columbia University Press.
- Roberts E. F. S. (1998) Examining Surrogacy Discourses: Between Feminine Power and Exploitation. *Small Wars: The Cultural Politics of Childhood* (eds. N. Scheper-Hughes, C. F. Sargent), Berkeley and Los Angeles: University of California Press, pp. 93–110.
- Ragoné H. (1994) *Surrogate Motherhood: Conception In The Heart*, New York: Westview Press.
- Sewell W. H. (1999) Concept(s) of Culture. *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture* (eds. V. E. Bonnell, L. Hunt), Berkeley: University of California Press, pp. 35–61.
- Teman E. (2010) *Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self*, Berkeley: University of California Press.
- Zelizer V. (2012) How I Became a Relational Economic Sociologist and What Does it Mean? *Politics and Society*, vol. 40, no 2, pp. 145–174.

**Received:** March 21, 2017.

**Citation:** Conroy N. (2017) Razumnyy al'truizm: mozhno li primirit' moral' i rynek? [Rational Altruism: Is it Possible to Reconcile Morality with Markets?]. Book Review on Berend Z. (2016) *The Online World of Surrogacy*. NY, Oxford: Berghahn Books, 270 p. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 2, pp.138–150. Available at <https://ecsoc.hse.ru/2017-18-2.html> (in Russian).